



Философские и культурологические исследования

УДК 1/14

О.Д. Шипунова

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна – профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: o_shipunova@mail.ru

Аннотация

В статье обобщаются подходы к исследованию феномена субъективности в классической и экзистенциально-феноменологической традиции. Выделена актуальность проблемы истоков субъективности в междисциплинарной области в связи с интересом к границам ментального пространства. Подчеркивается, что в контексте социальной психологии и культурной антропологии субъективность действия определена родовой общностью и предполагает анализ глубинных процессов социальной и ментальной динамики на уровне смыслообразования. Обосновывается значимость и конструктивность философской аналитики субъективности в контексте социальной антропологии, обращенной к основаниям мотивации действий.

Ключевые слова

СУБЪЕКТИВНОСТЬ; МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО; ФИЛОСОФСКАЯ АНАЛИТИКА; ОСНОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ДЕЙСТВИЯ; СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.

В отличие от классической традиции, отождествлявшей субъективность с самосознанием, мышлением (*cogito*), разумом, современная философия трактует субъективность как экзистенцию, или самость, которая характеризуется самодостаточностью и внутренним движением. В то же время констатация интерсубъективности «жизненного мира» в феноменологии вполне определенно указывает на многоплановую социальную детерминацию сознательно-бессознательной психодинамики личности. Процесс понимания, семантическое измерение жизни, язык, вербальные и невербальные смысловые действия образуют круг эмпирических фактов,

вокруг которых в конце XX века оформляется специфическая культурно-психологическая и экзистенциально-философская проблематика, обращенная к динамике субъективности и анализу измененных состояний сознания.

Пристальное внимание науки и философии к феноменологии человеческого действия выливается в дискуссии вокруг рациональных и нерациональных структур сознания, которые имеют неясные источники в антропогенезе и спорные основания в индивидуальном развитии. В психоаналитической и экзистенциально-феноменологической традиции отчетливо просматривается онтологическая неопреде-



ленность внутренней детерминации состояний сознания. Философская мысль, акцентируя внимание на неоднозначности состояний сознания, динамике порождения и движения смыслов, выделила особую область исследований, обращенных к топологии внутренних состояний.

В истории философской мысли феномен субъективности раскрывается через дихотомию внутреннего и внешнего; актуального и вневременного; чистого «Я» (самодетерминации, активности, свободы воли) и эмпирического «Я», определенного телесностью и рассудком [1]. Современная философия наряду с замкнутостью, самодостаточностью «Я», подчеркивает его трансперсональность [2]. В контексте социальной психологии и культурной антропологии динамика субъективности определена родовой общностью, предполагает исследование глубинных процессов социальной и психической динамики на уровне смыслообразования. Поэтому на первом месте в анализе феномена субъективности оказывается проблема социальных оснований мотивации действий, тождество внутреннего и внешнего, естественного и искусственного.

Эта тенденция подчеркнута популярностью двух противоположных установок в современной философии и когнитивной науке: онтолингвистической (распространившейся благодаря лингвистическому и семантическому повороту в аналитической философии, принципам структурализма и философской герменевтики) и психоллингвистической (особо выделенной в постструктурализме и когнитивных исследованиях, ориентированных на фундаментализацию связи языка и бессознательного). Феноменология субъективного действия в контексте когнитивной парадигмы раскрывается через динамику ментального пространства (Ж. Фоконье) и ментальных моделей (П. Джонсон-Лэрд), ментальную активность и ментальные репрезентации (Ж.Ф. Ришар, М.А. Холодная). В анализе когнитивной архитектуры действия подчеркивается фундаментальность ее социокультурной детерминации. Приоритетное направление исследований когнитивной антропологии (Р.Ж. Д'Андреа) определено констатацией прямой связи интеллектуальных систем и культуры, актуальностью социальной онтологии здравого смысла. Эта задача кон-

кретизируется в исследовании семантической макроструктуры коммуникации (Т. ван Дейк), метафорического контекста (Э. Маккормак, Дж. Лакофф, М. Джонсон), континуума априорных ограничений (Ф. Кейл), структуры и векторов жизненного пространства (К. Левин).

Обозначенный в междисциплинарной области интерес к априорности рассудка подчеркивает актуальность проблемы топологии субъективности в новом контексте, подчеркивающим аспекты социальной феноменологии. Ее контуры намечены Ж.П. Сартром, по мысли которого феноменологическая онтология предполагает совмещение двух полюсов: экзистенциального анализа и феноменологии «Другого» через *cogito*. В философии конца века эту идею разрабатывают П. Рикер в программе рефлексивной философии, ориентирующей на соединение археологии и телеологии субъективности, А. Шюц в концепции конечных смысловых полей, фиксирующих определенный когнитивный стиль субъективной динамики.

Стремление выделить роль отношений между людьми, роль общения в качестве предпосылки развития собственно человеческой природы выступает одной из основных тенденций движения мировоззренческой мысли в истории философии. У Платона оно выражено в примате мира идей. У Канта – в регулирующей функции нравственного императива. У Гегеля – в диалектике абсолютного духа, который своим предметным содержанием имеет культурно-историческую реальность. В современных течениях эта тенденция выражается в поиске интерсубъективных структур, лежащих в основании индивидуального мира сознания. Исследуя состояния сознания и динамику смыслопорождения, современная философия оперирует понятием «экзистенциала», за которым стоит фундаментальное условие, определенное фактом присутствия человека в мире. Человек всегда укоренен в языковой и культурной традиции, поэтому актуально предшествует вовлеченность мыслящего в то, что им мыслится. Согласно М. Хайдеггеру, способ обнаружения себя в ситуации – понимание и есть основополагающий экзистенциал.

Подчеркивая онтологический статус истолковывающего понимания в качестве основной характеристики «Dasein», экзистенциально-феноменологическая философия открывает

перспективу социальной онтологии субъективности. Осуществляясь в структуре «Dasein», человек оказывается не чистой самостью, а персонификацией бытия, в частности бытия языка. Феномен субъективности приобретает модус трансперсональности, оказываясь «медиаумом», через который говорят язык и бытие [3]. Однако это положение не является совсем новым, поскольку присутствует в принципах антропологической философии Л. Фейербаха и марксизме, достаточно жестко связывающем динамику субъективной реальности с общественным бытием. В онтологии М. Хайдеггера экзистенция как преодоление существующего состояния усредненности (нормативности) дополняется неявной социальной детерминированностью потенциального поля «Dasein», которая скрывается за укорененностью человека в языковой традиции. К такому же выводу приводит анализ феноменологической установки, фиксирующей, с одной стороны, предшествование бытия чистого «эго» всякой действительности естественного персонального бытия, с другой — подчеркивающей трансперсональность субъективности в понятиях интересубъективности жизненного мира.

Концептуальная модель сознания в феноменологии, отмечает П. Рикер, связана с тремя исходными положениями, открывающими обширную область феноменологических описаний: 1) о фундаментальности значения как всеобъемлющей категории описания; 2) о субъекте как носителе значения; 3) о редукции, преобразующей любой вопрос о бытии в вопрос о смысле бытия [4, с. 378–379]. Раскрывая позитивный смысл феноменологической редукции, Рикер связывает его с возможностью его обозначить себя в дискурсе. «Приостановка» естественного отношения к вещам в размышлении является условием возникновения осмысленного отношения. При этом субъект совершает выход за пределы индивидуального, поскольку притязание на истину, свойственное размышляющему человеку, не может существовать без самоутверждения субъекта, который погружен в речь и в ней себя определяет.

В динамике субъективности современная философия, таким образом, выделяет трансперсональный стержень, связанный с априорными ограничениями, корректирующими глубинные интенции. Философская герменевтика,

соединяя археологию и телеологию в анализе психодинамики личности, приходит к необходимости рассматривать в качестве основных онтологических характеристик субъективности «поле когитаций» (П. Рикер), которое конкретизируется неявными структурами контекста и дискурса. Пространство априорных ограничений, будучи связано с социокультурной нормой, образует контекстную макроструктуру жизненного мира, воспринимаемую интуитивно.

В отечественной литературе онтологическое и антропологическое значение связности социума подчеркивает Ф.Т. Михайлов, исследуя проблему становления человека и его сознания. Пульс исторической динамики он видит в постоянном порождении мотивации произвольного поведения и целесообразного действия, строящегося как мыследействие [5]. Главная неразрешенная проблема антропогенеза — преобразование субъективной мотивации поведения индивида в архаическом сообществе, которое не имеет оснований в биологической эволюции. Психофизиологические структуры замкнуты на адаптацию и не превращаются в результате тренировки в акт продуктивного человеческого мышления. Поведение животных всегда предопределено ситуативной реальностью и генетически определенными способами выживания. Несмотря на вариативность и совершенствование индивидуального опыта, их поведение всегда запрограммировано инстинктивным «ожиданием». Человеческое действие в любой ситуации предполагает мотив, обусловленный семантикой общности и необходимостью аффективно-смыслового обращения к иному (другому, к себе, к всеобщему). Линия антропогенеза в этом контексте намечена постоянным воспроизведением интересубъективности общего бытия. Этот факт, зафиксированный в прогрессе культуры, делает род новым типом общности живых существ [6]. Ее главной внутренней связью выступает соперничество индивидов своей включенности в эмоциональную общность. Развитый инстинкт подражания обеспечивает действенность эмоциональной связи в общности, которая воплощается во всем, что способно транслировать соперничество (в звуке, действии, жесте, мимике, пантомиме, ритуале, речи).

Эта установка отечественной философии находится в русле течений в антропологии,



ориентированных на исследования человека в неразрывной связи психической и социальной динамики. В частности, социокультурная парадигма психологической антропологии в отличие от позитивистской натуралистической установки на редукцию социума к биологическим законам фиксирует внимание исследователей на таких формах взаимодействия в общности, как подражание, внушение, эмоциональное (психическое) заражение, оставляя в стороне соотношение идей и деятельности человека. Ведущая проблема психологической антропологии – соотношение нормы и патологии в различных культурах – имеет социально-онтологический характер, который, однако, явно не выделяется и не исследуется. Наиболее популярен феноменологический срез этой проблемы – измененные состояния сознания. В этом контексте анализ динамики субъективности обращен к исследованию психического состояния, в котором фундаментальное значение отводится соотношению эмоций страха и привязанности. Привязанность признается родовым качеством человека, благодаря которому достигается душевный комфорт, становятся возможными сопереживание и сплочение общности [7, с. 253–264; 595–622]. В отечественной философии привязанность в качестве социально-онтологического условия становления субъективности подчеркивают К.А. Абульханова-Славская, Н.Т. Абрамова, А.А. Белик, И.А. Бескова, исследуя социальную обусловленность несловесных человеческих действий и человеческой психики, анализируя реликтовые формы восприятия. В 1990-х годах выделяется когнитивная ориентация психологической антропологии [8], акцентирующая внимание на психолингвистических феноменах, анализ которых выводит когнитивные исследования в область социальной феноменологии, где ориентация на многослойность сознания и его независимую внутреннюю детерминацию дополняет идея связности социума как единого целого.

Признание тотальной связности социума в естественно-историческом контексте делает антропологические и психологические модели субъективности некорректными без социального элемента, и наоборот, абстрактные модели социальной реальности оказываются неполными без учета экзистенциальной динамики. Наиболее конструктивным в анализе динамики

субъективности представляется социально-антропологический подход, стратегия которого определяется, с одной стороны, отрицанием чисто внешнего определения сущности человека без учета законов внутренней детерминации, с другой – положением о предметном характере человеческой деятельности, порождающей «вещный мир», который становится фундаментальным основанием социальной реальности и ее тотальной связности. Благодаря предметным посредникам прямой и непрямой коммуникации, экзистенциальный процесс смыслопорождения обретает социально-феноменологический характер. Принцип понимания, фиксируя коммуникацию в ее онтологическом значении (социальном и экзистенциальном), а также генетическом (порождающем особую топологию субъективности), становится методологическим ориентиром в анализе динамики ментальности, психо- и социогенеза.

В частности, гуманитарно ориентированный синергетический подход, обращенный к эволюции когнитивной деятельности, намечен поиском паттернов самоорганизации человеческого поведения. В понятиях социального отбора и суперотбора (основанием которого выступают социальные идеалы) [9], ментального ландшафта (индивидуального и социокультурного), когнитивной карты сознания и деятельности [10] фиксируется значение топологической конфигурации когнитивной динамики. Подчеркивается ее функциональная природа, которая выходит за пределы биологической организации мозга и тела индивида. При этом фундаментальное для синергетики понятие нелинейности в социоприродной жизненной ситуации выделяет игру случайности. Линию антропосоциогенеза в этом контексте образует эволюционная игра, в которой ничего не предопределено, кроме правил, имеющих характер запретов. Эти негенетические правила, метасистемно ограничивая жизненное пространство индивида, детерминируют прежде всего возможные нормы, формируя виртуальную топологию действия, закладывая потенциальные (априорные) границы конкретных действий. В синергетическом контексте «целое развивается быстрее своих частей» [Там же. С. 230]. Таким образом, топология субъективности в синергетическом видении всегда определена социально-антропологической целостностью [11].

Процесс порождения в синергетической методологии безличностей — это онтологическая закономерность. Нелинейная ситуация (природная, космическая, социоприродная, коммуникативная, экзистенциальная) творит субъекта, ситуация влияет и управляет. Отношение к постоянно меняющейся ситуации и составляет онтологию субъективности. В контексте синергетики социально-антропологический мотив определен «нелинейным, творческим отношением к миру», которое в то же время предполагает установку «позволить на себя влиять» [10, с. 223]. Синергетика, называя вещи своими именами, призывает индивида не противиться нелинейной иррациональности, которая творит «за субъекта» и «из субъекта». Человек, почувствовав себя творцом в эпоху Возрождения и Новое время, опьяненный свободой, гипертрофированной в индивидуализме, в конце XX века, пройдя разрушительный путь познания и технического прогресса, оказался не свободным, а ведомым и в творческой деятельности.

Социальная детерминация субъективности явно выражена в топологической психологии К. Левина, который вводит в оборот понятие «жизненное пространство», трактуемое в терминах мотивации, потребностей, эмоций, настроения, цели, идеала [12]. Целеустремленность и цель выступают в качестве векторов психического поля. Телеологический принцип топологии субъективности подчеркивается терминами «психологическая сила», «поле силы», «уровень притязаний», «детерминирующая тенденция». Цель формирует структурированное силовое поле психической активности, диспозицию сил в жизненном пространстве. В теории психического поля Левина цель — главный вектор экзистенциальной динамики, образующий позитивную валентность в «силовом поле определенной структуры». Причем психическое напряжение, силу внутреннего и внешнего влияния создают возникающие интенции. Возвращаясь к анализу субъективности в современной философии, можно заметить согласованность полевой трактовки динамики субъективности с феноменологической традицией, выделяющей интенциональные горизонты сознания и его темпоральную структуру.

Синергетика и топологическая психология, так же как и феноменология, ведут к необходимости исследования генезиса устойчивых топо-

логических структур субъективной динамики. В традициях современной науки и философии эти структуры имеют когнитивный характер. Вопрос о самой когнитивной структуре и архитектуре, однако, упирается в неясность истоков внутренней детерминации и неясность связи социальной, социокультурной и ментальной динамики, о чем свидетельствует непрекращающаяся дискуссия вокруг позиции функционализма в объяснении феномена сознания в его связи с деятельностью мозга [13] и природы когнитивности [14].

В контексте социальной антропологии принципиально важен вопрос о нормах действия, закрепляемых эволюционными структурами. В топологической психологии этому соответствует вопрос: чем определяется поведение? По К. Левину, поведение зависит только от «сегодняшнего состояния поля», которое каждый данный момент имеет временную глубину как одну из составляющих жизненного пространства. Последнее у Левина трактуется широко, допуская не только пространство когнитивное (психосоциальное, личностное), но также мотивационное, эмоциональное и объективное пространство ситуативных взаимодействий в реальном мире и социуме. Однако понятие жизненного пространства не позволяет отличить человека от обезьяны, несмотря на такие координаты, как «психологическое прошлое» и «психологическое будущее».

В этом ключе несомненный интерес представляет социально-антропологическая установка в исследовании оснований внутренней детерминации человеческого поведения и мышления. Эту перспективу указывает, в частности, онтология опосредованного действия: «внешнее — через внутреннее», намеченная С.Л. Рубинштейном; в ней очевиден приоритет целевой установки [15]. А также принципы неклассической рациональности, сформулированные М.К. Мамардашвили, в частности системно-генетический принцип познания, который ориентирует на «живые очаги неразложимых взаимодействий», проблему новообразования и динамические изменения в строении объекта, в результате которых образуется устойчивая функциональная область специфических закономерностей [16, с. 86–89].

Анализ макроуровня целого, в частности сознания как макроуровня мозговой деятель-



ности и семантического пространства социума как макроуровня индивидуальной психики и феноменального действия (осознанного или интуитивного), оказывается чрезвычайно актуальным. Центральным становится вопрос о социальной онтологии психики и сознания, в контексте которого социально-антропологическая

перспектива исследования феномена субъективности обладает положительной эвристикой, совпадая с установкой междисциплинарных исследовательских программ, ориентированных на приоритет макродетерминации и коммуникации в понимании эволюции мира и человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гарнцев М.Л.** Проблема самосознания в западноевропейской философии (от Аристотеля до Декарта). М.: Изд-во МГУ, 1987. 215 с.
2. **Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П.** Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 376 с.
3. **Гайденок П.П.** Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX в. М.: Республика, 1997. 495 с.
4. **Рикер П.** Конфликт интерпретаций. М., 1995. 412 с.
5. **Михайлов Ф.Т.** Избранное (1990–2000). М.: Индрик, 2001. 576 с.
6. **Он же.** Предметная деятельность... чья? // *Вопр. филос.* 2001. № 3. С. 10–26.
7. **Human Ethology.** Cambridge, 1979.
8. **D'Andrade Roy G.** The development of cognitive anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. 272 p.
9. **Бранский В.П., Пожарский С.Д.** Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2002. 476 с.
10. **Князева Е.Н.** Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // *Эволюция. Язык. Познание.* М., 2000. С. 221–244.
11. **Сагатовский В.Н.** Антропологическая целостность: статус и структура // *Очерки социальной антропологии.* СПб., 1995. С. 47–49.
12. **Левин К.** Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
13. **Васильев В.В.** Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
14. **The Extended Mind** / ed. by R. Menary; Massachusetts Institute of Technology. A Bradford Book. The MIT Press Cambridge. L., 2010.
15. **Рубинштейн С.Л.:** 1) *Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира.* М., 1957; 2) Из неопубликованной рукописи «Человек и мир» // *Вопр. филос.* 1966. № 7; 1969. № 8.
16. **Мамардашвили М.К.** Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994.

O.D. Shipunova

PROSPECTS OF SUBJECTIVITY RESEARCH IN MODERN PHILOSOPHY

SHIPUNOVA Olga D. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: o_shipunova@mail.ru

Abstract

The article generalizes the range of approaches to subjectivity phenomenon research in terms of both classical and existential phenomenological traditions. The problem of subjectivity sources turns out to be quite topical from the point of interdisciplinary research because of the scientific community interest to the boundaries of mental space. In the context of social psychology and cultural anthropology, subjectivity of action is determined by ancestral generality thus assuming the analysis of deep processes in social and mental dynamics at the level of sense formation. Significance and constructiveness of philosophical analysis of subjectivity is demonstrated in the context of social anthropology focusing at bases of human action motivation.

Keywords

SUBJECTIVITY; MENTAL SPACE; PHILOSOPHICAL ANALYTICS; ACTION MOTIVATION BASES; SOCIAL ANTHROPOLOGY.

REFERENCES

1. Garntsev M.L. *Problema samosoznaniya v zapadnoyevropeyskoy filosofii (ot Aristotelia do Dekarta)*. Moscow, MGU Publ., 1987. 215 p. (In Russ.)
2. Beskova I.A., Gerasimova I.A., Merkulov I.P. *Fenomen soznaniya*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2010. 376 p. (In Russ.)
3. Gaydenko P.P. *Proryv k transtsendentnomu: Novaya ontologiya XX v.* Moscow, Respublika Publ., 1997. 495 p. (In Russ.)
4. Riker P. *Konflikt interpretatsiy*. Moscow, 1995. 412 p. (In Russ.)
5. Mikhaylov F.T. *Izbrannoye (1990–2000)*. Moscow, Indrik Publ., 2001. 576 p. (In Russ.)
6. Mikhaylov F.T. Predmetnaya deyatelnost... chya? *Voprosy filosofii*, 2001, no 3, pp. 10–26. (In Russ.)
7. *Human Ethology*. Cambridge, 1979.
8. D'Andrade Roy G. *The development of cognitive anthropology*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1995. 272 p.
9. Branskiy V.P., Pozharskiy S.D. *Sotsialnaya sinergetika i akmeologiya*. St. Petersburg, Politekhnik Publ., 2002. 476 p. (In Russ.)
10. Knyazeva Ye.N. Topologiya kognitivnoy deyatelnosti: sinergeticheskiy podkhod. *Evolutsiya. Yazyk. Ponznaniye*. Moscow, 2000. Pp. 221–244. (In Russ.)
11. Sagatovskiy V.N. Antropologicheskaya tselostnost: status i struktura. *Ocherki sotsialnoy antropologii*. St. Petersburg, 1995. Pp. 47–49. (In Russ.)
12. Levin K. *Teoriya polya v sotsialnykh naukakh*. St. Petersburg, Sensor Publ., 2000. 368 p. (In Russ.)
13. Vasilyev V.V. *Trudnaya problema soznaniya*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)
14. *The Extended Mind*. Ed. by R. Menary, 2010. A Bradford Book. The MIT Press Cambridge. L., 2010.
15. Rubinshteyn S.L.: 1) *Bytiye i soznaniye: o meste psikhicheskogo vo vseobshchey vzaimosvyazi yavleniy materialnogo mira*. Moscow, 1957; 2) Iz neopublikovannoy rukopisi “Chelovek i mir”. *Voprosy filosofii*, 1966, no 7; 1969, no 8. (In Russ.)
16. Mamardashvili M.K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsionalnosti*. Moscow, 1994. (In Russ.)